Шкаф / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Шкаф / рассказ ШКАФ

Зашел разговор о проститутках, – о чем же еще говорить после обеда в мужской компании?
Один из нас воскликнул:
– А знаете, какая необыкновенная история произошла со мной?
И вот что он рассказал.
– Как-то вечером прошлой зимой на меня вдруг напала хандра, мучительное чувство опустошенности, гнетущее и душу и тело, как это иной раз со всяким бывает. Я сидел у себя в комнате в полном одиночестве и чувствовал, что, если и дальше останусь один, мне не совладать с тоской, с той ужасной тоской, которая может в конце концов довести до самоубийства.
Я надел пальто и вышел из дому, сам еще не зная, что буду делать. Дойдя до бульваров, я долго бродил мимо освещенных кафе, почти пустых в этот ненастный вечер; шел дождь, мелкий, нудный дождь, от которого, кажется, промокает не только одежда, но как будто пропитывается сыростью даже мозг. Нет, это не был благодатный весенний ливень, который падает целыми каскадами и гонит запыхавшихся прохожих в подворотни домов, а какая-то мокрая завеса из мельчайших капель; совершенно незаметные каждая в отдельности, они непрерывно сеются с неба, быстро покрывая платье ледяной пленкой, и пронизывают холодом.
Что делать? Я шагал от одного угла улицы до другого, стараясь придумать, где бы убить два часа времени, и впервые обнаружил, что во всем Париже нет такого места, где можно было бы вечером развлечься. Наконец я решил направиться в Фоли-Бержер – этот своеобразный рынок продажной любви.
В большом зале было мало зрителей. В галерее, изгибающейся подковой, прогуливались какие-то бесцветные люди, у которых во всем сказывалась вульгарность: в походке, в костюме, в прическе, в манере подстригать бороду, носить шляпу и даже в цвете лица. Очень редко попадался человек, про которого можно

было сказать, что он чисто умыт и умеет одеться со вкусом. Что же касается женщин, то это были все те же известные вам проститутки; жалкие, потрепанные, навязчивые, они прогуливались, как обычно, вперевалочку и, как всегда, неизвестно почему, принимали презрительный и заносчивый вид.
Я разглядывал их и думал, что ни одна из этих обрюзгших прелестниц, скорее жирных, чем дородных, где не надо — пухлых, где не надо — тощих, толстобрюхих, как попы, и голенастых, как цапли, не стоит даже одного луидора, который она с трудом выторговывает, запросив двадцать пять франков.
Но вдруг я заметил одну женщину, которая мне понравилась, — не очень молоденькую, но еще свежую, игривую, привлекательную. Я остановил ее и, не размышляя, как-то вдруг сторговался с ней на ночь. Уж очень мне не хотелось возвращаться к себе в комнату, где меня ждало одиночество; я предпочел общество и объятия этой продажной красотки.
Я пошел с ней. Она жила в большом доме на улице Мучеников. На лестнице газ был уже погашен. Я медленно поднимался, поминутно чиркая восковые спички, нащупывая ногой ступени, спотыкался, шел очень недовольный; впереди меня шуршала юбками женщина.
Она остановилась на площадке пятого этажа, впустила меня в переднюю и, закрыв входную дверь, спросила:
— Так ты, что ж, останешься до утра?
— Ну да. Мы же договорились.
— Хорошо, котик. Я только так спросила, чтобы точно знать. Подожди здесь минутку, я сейчас вернусь.
И она ушла в комнаты, оставив меня в полной темноте. Я слышал, как она закрыла одну дверь, потом другую, затем мне показалось, что она с кем-то разговаривает. Я был удивлен и встревожен. У меня мелькнуло подозрение, нет ли там сутенера. Но, как видите, плечи у меня широкие, а кулаки здоровые.
«Ладно, увидим», — подумал я.
Я насторожился, весь обратившись в слух. В комнате кто-то ходил, но очень легкими, осторожными шагами, явно стараясь не шуметь. А затем открылась еще какая-то дверь, и я уже явственно расслышал перешептывание.
Наконец она вернулась с зажженной свечой в руке.

— Можешь войти, — сказала она.
И я вступил во владение этой женщиной и ее жилищем.
Она провела меня через столовую, в которой, очевидно, никогда не ели, и мы оказались в спальне, обычной спальне проститутки, проживающей в меблированных комнатах, с репсовыми портьерами и пунцовым шелковым одеялом, пестреющим подозрительными пятнами.
— Не стесняйся, будь как дома, котик, — сказала она. Я внимательно оглядел комнату. Ничто в ней не внушало тревоги.
Она разделась в один миг и нырнула под одеяло прежде, чем я успел снять пальто. Она расхохоталась.
— Что это с тобой? В соляной столб обратился? Поторапливайся, милый.
Я последовал ее совету и лег.
Пять минут спустя мне уже страшно хотелось одеться и уйти. Но тягостное чувство усталости, томившее меня дома, не проходило, отнимало у меня всю энергию, сковывало, и я остался, несмотря на отвращение к ложу этой публичной женщины. Исчезло чувственное обаяние, которое почудилось мне в ней в театре, при свете люстр; рядом со мной, прижимаясь ко мне, лежала вульгарная проститутка, и ее равнодушные, вынужденные поцелуи имели привкус чеснока.
Чтобы завязать разговор, я спросил:
— Ты давно здесь живешь?
— Пятнадцатого января исполнилось полгода.
— А до этого где жила?
— На улице Клозель. Но привратница делала мне всякие гадости, и я бросила ту квартиру.
И она начала рассказывать бесконечную историю о том, как привратница распускала про нее сплетни.
Вдруг я услышал, что где-то близко, совсем рядом, кто-то шевелится. Сначала как будто раздался вздох, затем легкий, но явственный шум, словно кто-то повернулся на стуле.
Я рывком сел на постели и спросил:
— Что это такое?
Она ответила спокойно и уверенно:
— Не обращай внимания, котик, это у соседки. Перегородки такие тонкие, что все как есть слышно. Такая пакость эти меблирашки.

Стенки прямо картонные.
Мне было лень двигаться, и я снова забрался под одеяло. Разговор возобновился. Из глупого любопытства, которое побуждает мужчин расспрашивать падшую женщину о первом ее любовном приключении, приподнимать завесу над первым ее грехом, словно для того, чтобы найти в ней хоть искорку былой невинности и, быть может, на мгновение полюбить ее такую, какой она предстанет в этом мимолетном воспоминании о невозвратной девичьей стыдливости и чистоте, я забросал ее вопросами о ее первых любовниках.
Я знал, что она будет лгать. Пусть так. Может быть, среди всех этих лживых выдумок я услышу что-то искреннее и трогательное.
— Ну, скажи, кто он был?
— Барин — любитель гребного спорта, котик.
— Ах, вот как. Где же вы познакомились?
— В Аржантейе.
— Что же ты там делала?
— Служила в ресторане.
— В каком ресторане?
— В «Сухопутном моряке». Знаешь его?
— Ну, еще бы, это кабачок Бонанфана?
— Он самый.
— А как же он завлек тебя, этот барин?
— Он взял меня силой, когда я стлала ему постель. Но вдруг мне вспомнилась теория одного врача, моего друга, человека весьма наблюдательного и философского склада; он работал в большой больнице, и ежедневно перед ним проходили девушки-матери и публичные женщины. Он хорошо знал все виды позора и ужасов, которые постигают женщин, бедных женщин — беззащитную добычу самца, слоняющегося с деньгами в кармане.
— Девушку всегда развращает человек ее класса и ее среды, — говорил он мне. — Я могу создать целые тома из наблюдений подобного рода. Богатых обвиняют в том, что они срывают цвет невинности у девушек из народа. Это неправда. Богатые платят за уже сорванный букет. Они тоже срывают цветы, но уже второго цветения, никогда им не достается первоцвет.
Вспомнив эти слова, я повернулся к своей подруге и рассмеялся.

— А знаешь, мне ведь известна твоя история. Барин у тебя был не первый.
— Ох, что ты, котик! Ей-богу, первый!
— Лжешь, кошечка.
— Ах, нет, я правду говорю.
— Нет, лжешь. Лучше расскажи все, как было. Она, видимо, была удивлена и колебалась.
Я настаивал.
— Я ведь колдун, ясновидящий, дорогая моя. Если ты мне не скажешь, я тебя усыплю и все равно узнаю правду.
Ограниченная, как все подобные ей женщины, она испугалась и забормотала:
— Как же ты угадал?
— Ну говори, говори, — настаивал я.
— Да о первом почти и рассказывать-то нечего. В наших местах был праздник. Выписали для такого случая важного повара, господина Александра. Он, как приехал, принялся командовать. Всеми распоряжается, всем приказывает — и хозяину и хозяйке. Ну, прямо король… такой рослый, представительный мужчина. На одном месте не может усидеть спокойно. То и дело кричит: «Давайте масло, давайте яйца, давайте мадеру». И все ему неси бегом, а не то рассердится и такого наговорит, что вся с головы до пяток покраснеешь.
К вечеру горячка кончилась; он вышел на крыльцо покурить трубку. И вот иду я мимо него с целой горой тарелок, а он мне и говорит: «А ну-ка, девчушка, прогуляемся с тобой к речке. Ты мне покажешь здешние места». Я, как дурочка, и пошла с ним. А как только мы дошли до берега, он меня схватил, да так быстро, что я даже опомниться не успела и не знала, что это он со мной делает. В тот же вечер, в девять часов, он уехал. Я больше никогда его и не видела…
Я спросил:
— И это все?
Она пробормотала:
— Все. Флорентэн-то ведь от него…
— Флорентэн? А кто это?
— Мой сынишка!

— Ах, так! Очень хорошо. И ты, конечно, уверила своего любителя гребного спорта, что он — папаша Флорентэна?
— Ну, понятно.
— У него, верно, были деньги?
— Были. Он положил на имя Флорентэна, на ренту. Я ежегодно по триста франков получаю.
Меня эта история начала забавлять. Я сказал:
— Очень хорошо, голубушка, очень хорошо. Вы все не так уж глупы, как думают. А сколько же лет сейчас Флорентэну?
— Скоро двенадцать исполнится. Весной он пойдет к первому причастию,— ответила мать.
— Великолепно. Значит, с тех пор ты и пошла по этой дорожке?
Она вздохнула; это был вздох человека, покорившегося своей участи.
— А что же мне оставалось делать?
Внезапно в комнате раздался громкий шум, и я стремительно вскочил с кровати. Несомненно, кто-то упал, потом поднялся и ощупывал руками стену.
Схватив свечу, я осмотрелся вокруг растерянным и злым взглядом. Она тоже встала и, стараясь меня удержать, успокоить, говорила:
— Ничего не случилось, котик, уверяю тебя, ровно ничего.
Но мне удалось обнаружить, откуда шел этот странный шум. Я направился прямо к дверце стенного шкафа, скрытой изголовьем кровати, рванул ее… и тут я увидел маленького мальчика, бледного и худенького мальчика, который дрожал всем телом и испуганно глядел на меня широко открытыми блестящими глазами: он сидел на полу рядом с плетеным соломенным стулом, с которого свалился.
Увидев меня, он протянул руки к матери и заплакал:
— Я не виноват, мама, я не виноват. Я заснул и упал. Не сердись, мама, я не виноват.
Я обернулся к женщине и спросил:
— Что все это значит?
Смущенная, расстроенная, она заговорила прерывающимся голосом:
— Как же мне быть-то? Заработка не хватает, чтобы отдать его в пансион, а платить за лишнюю комнату тоже не из чего. Когда у

меня никого нет, он спит со мной в постели. Если приходят на час или на два, он вполне может переждать в шкафу и сидит там тихонько, он ведь знает, что так надо. А когда вот остаются на всю ночь, как ты, ему трудно спать на стуле, спина немеет, ведь он еще ребенок… Разве он виноват?.. Посмотрела бы я, как ты проспал бы всю ночь, сидя на стуле… Небось, по-другому бы заговорил…

Она сердилась, ожесточалась, кричала.

А мальчик все плакал. Несчастный ребенок, хилое и робкое дитя. Да, это был действительно ребенок, выросший в холодном и темном шкафу, ребенок, который лишь изредка мог согреться в пустовавшей ненадолго постели.

У меня у самого подступали к горлу горькие слезы.

И я ушел, ушел ночевать домой.

Ги де МОПАССАН.

Напечатано в «Жиль Блас» 16 декабря 1884 г. под псевдонимом Мофриньёз. Hekaýalar